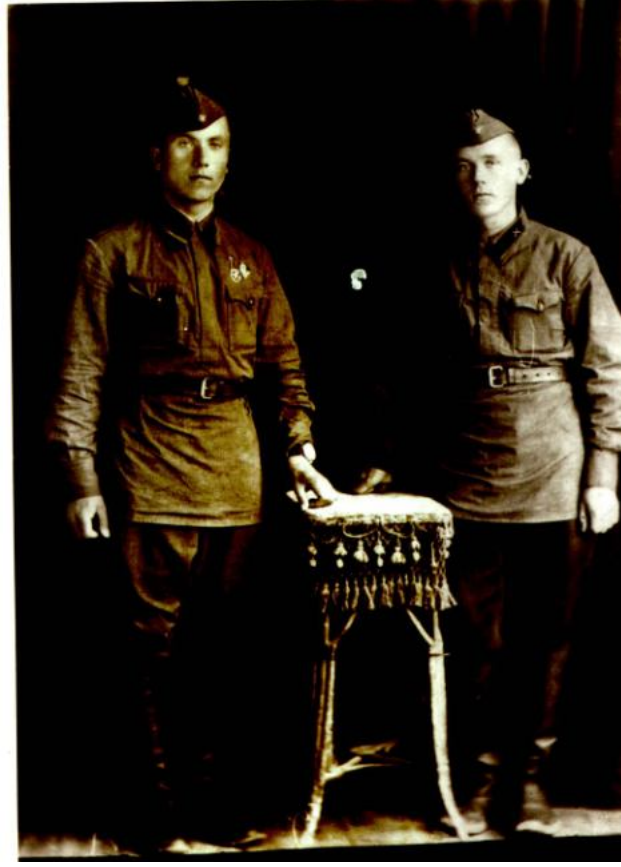

УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
РЯДОВОЙ
ЯКОВЛЕВ АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ

Родился 1 октября 1919 года в д. Киндасово Пряженского района Карельской ССР. По новому стилю это 14 октября – большой престольный праздник. Родился в семье крестьян-единоличников. Отец и мать долго сопротивлялись коллективизации, не хотели идти в колхоз

Закончил у себя в селе 6 классов сельской школы. Тогда уже была семилетка, но в 7 класс надо было ехать учиться в интернат, а там меня отец содержать не мог. Начал работать учеником счетовода в Леспромхозе. Было мне 13 лет. В конторе не сидел. Днем возил на лошади начальство и проверяющих по лесным участкам. Потом вечером при керосиновой лампе писал отчеты, циркуляры и другие конторские бумаги. Постепенно вошел в курс конторской работы. Видимо у меня изначально была тяга к ней – усидчивость и аккуратность. Сначала стал счетоводом, а затем и бухгалтером. Уже в детстве начало садиться зрение. При лучине, а потом при семилинейной керосиновой лампе составлял массу различных бумаг. Не испугался и ответственности. Стал завскладом – выдавал рабочим и сплавщикам спецодежду, инструмент. Справлялся.

В семье мои заработки были не лишними. Более того, я обеспечивал семью, так как получал служащую карточку категории Б. Мать получала иждивенческую карточку и на нее дедали значительно меньше хлеба, чем на мою.

В армию призвали в 1939 году. На медкомиссии окулист забраковал меня – плохое зрение. Я даже был заподозрен в симуляции. До глубины души было обидно. Я с детства любил лошадей и мечтал попасть в кавалерию. Любимым фильмом был фильм «Чапаев». Я хотел воевать и быть похожим на моего героя. Таким был не я один. Многие стремились в армию, уклониться от службы считалось позором. В Петрозаводске на комиссии более высокого уровня мне удалось добиться разрешения служить. И служба моя началась там, где я и хотел: в конной артиллерии. Здесь и мои любимые лошади, и сложная грозная боевая техника.

Я был достаточно грамотным и привык к серьезной ответственной работе. Поэтому был направлен во взвод управления. Научили работать с артиллерийскими приборами: стереотрубой, перископом разведчика. Стереотруба, кстати, была трофейная – французская. Научился по приборам находить и определять местонахождение целей, управлять огнем артиллерийских орудий.

Мы находились в 31 стрелковом полку под Полтавой. Началась финская война. Меня как карела направили в 8 финскую народную армию. Мы должны были освобождать Финляндию и устанавливать там Советскую власть. В последние дни войны в марте 1940 года я был на передовой в составе 237 гаубичного артиллерийского полка, рядовой, орудийный номер. После окончания войны домой не отпустили. Дали только небольшой отдых под Петрозаводском.

В октябре 1941 года снова начал воевать с финнами под Сортавалой. Теперь я уже стал старшим разведчиком-наблюдателем взвода управления в 9 артиллерийском полку. Пришлось отступить к Ладожскому озеру. Финны нас крепко прижали к берегу. Гаубицы нам пришлось отставить, перед тем вынудив замки орудий. Пушки не должны были достаться врагу в исправности. Финны через громкоговорители призывали финнов и карелов сдаваться, но мы вместе со всеми и с лошадьми грузились на баржи. Перебросили нас сначала на остров Валаам, а затем в Ленинград. Уходившие за нами баржи с отступающими войсками были потоплены. Мы же спаслись и стали защитниками блокадного Ленинграда.

Воевал под Пушкином, Красным Бором, Колпином. Разведчикам взвода управления положено было наблюдать за противником в секторе от Пушкина через Слуцкий парк до Мясного Бора. Это пространство держал под огнем наш 2 дивизион в составе 4, 5, и 6 батарей. Сначала они были вооружены 122-мм гаубицами, а потом 76-мм пушками. Командовал дивизионом Пепелев. Хороший был командир. Теперь уже умер, похоронен недалеко от Марсова поля.

В нашем секторе мы по вспышкам засекали позиции вражеских орудий (в основном действовали по ночам). Потом готовили данные для батарей и

открывали ответный огонь на уничтожение. Это была контрбатарейная борьба, спасавшая Ленинград и его защитников от уничтожения. Отмечали также и время и направления пролета вражеской авиации. Наблюдали, как на город идут четкие девятки немецких самолетов. С радостью видели, что обратно они уже возвращаются разрозненными группами и не все. Со своими батареями и с соседними частями держали связь и по рациям, и по телефону. Радистами со мной воевали Кузнецов, Разов.

Под Старо - Паново в результате местного наступления наши войска вклинились в немецкую оборону. Разведчики и связисты нашего дивизиона для обеспечения огневого прикрытия наступавших шли вместе с пехотой. Оборудовали наблюдательный пункт в трубе под дорогой. Там расположился начальник разведки Разов и связисты. Разведчик Гридин уселся на бровке дороги у трубы – наблюдал за местностью. Принесли обед. Меня отправили показать дорогу к другим нашим бойцам. Через некоторое время я вернулся и увидел незабываемую картину: немецкий снаряд разорвался невдалеке, Гридин сидит на бровке, но уже мертвый. В трубе же, куда ударили осколки и взрывная волна, убиты, буквально разорваны на части мои товарищи-связисты.

Я же получил свое первое ранение под Колпино в 1942 году. На берегу реки стояла палатка-баня. Собрались мы мыться – вдруг немецкий снаряд. Что-то ударило в лицо. Чувствую, оторвана ноздря. Зажимаю рану чистым бельем – и на перевязку. Осколок до сих пор сидит в лицевой кости.

В январе 1943 года принимал участие в прорыве блокады Ленинграда. Вначале мы открыли невероятной силы огонь по немецким позициям. Уже в первый день передовые позиции немцев были захвачены. Теперь мы перешли к поддержке огнем наступающей пехоты. Я с радистами шел в пехотных цепях и корректировал огонь наших батарей. Так продолжалось до полного прорыва их обороны.

Зимой 1944 года наши орудия громили немцев под Ленинградом снова. Шли бои по снятию блокады города. Освободили Ленинградскую область, подошли к Нарве. Здесь немцы укрепились снова и нам предстояли жестокие бои. Пока шла артиллерийская дуэль. Немцы обстреливали наш командный пункт. Рядом стояла подбитая самоходка, за нее я и спрятался во время артналета. Но немец все же достал меня. Осколок попал в локоть. Теперь рука ограничена в движении. Сразу же перевязали меня и отправили в госпиталь.

После излечения меня комиссовали из боевых частей. Но для нестроевой службы оказался годен. Был направлен в 25 ремонтно-восстановительный отдельный батальон связи на должность писаря.

В сентябре 1946 года демобилизовался после 7 лет службы в самые тяжелые военные годы.

После демобилизации сразу устроился на знакомое место – в Пряжинский Леспромхоз. На различных лесопунктах которого работал бухгалтером. Потом сидячая бумажная работа надоела. Уехал в Вологодскую область на родину жены. Там в Кадуйском Леспромхозе работал раскорчевщиком. Физическая работа закаляла, мои болячки отступали. Пользовался авторитетом и уважением. Несколько лет возглавлял товарищеский суд своего предприятия.

Но меня постоянно тянуло в Ленинград – прекрасный город, который я защищал. В 1970 году переехал в Вартемяги. Здесь жил и помог мне устроиться брат жены, тоже фронтовик Михаил Андреевич Головин. Работал он бригадиром в Лесотехнической академии, к сожалению, его недавно похоронили.

В Вартемягах устроился работать в Вартемягское учебно-опытное хозяйство Ветеринарного института. Здесь было большое хозяйство: растили зерновые и кормовые культуры, содержали коров, свиней и телят, на продажу шло молоко. Вначале я работал с любимыми лошадьми. Возил на фермы сено, корнеплоды, комбикорма. Потом поставили кладовщиком. Принял зерновые склады, картофелехранилища и другие ценности. До 1979 года работал хорошо. Мой трудовой путь отмечен одними благодарностями и почетными грамотами

С 1979 года нахожусь на пенсии

Женат. Жена Головина Елена Андреевна тоже участник войны.

Имею правительственные награды: медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», орден Отечественной войны, многочисленные юбилейные медали. Среди них для меня дороги медаль Жукова Г.К., медаль «300 лет Санкт-Петербургу» и «60 лет снятия блокады».

Честно признаюсь, что на фронте не очень-то думали о наградах. Мы защищали Родину, готовы были за нее жизнь отдать. Надеялись, конечно, остаться в живых, но от пуль не прятались.

